

Л. НИКУЛИН*

Большой человек мира сего**

Из года в год все чаще и чаще люди старшего поколения слышат обращенный к ним вопрос: «Случалось ли вам видеть Ленина?»

Нельзя побороть чувство гордой радости, когда отвечаешь: «Да, случалось». И тогда вслед за первым вопросом непременно последует второй: «Где вы видели Ленина? Когда?»

Если даже человеку довелось видеть Ленина только однажды и мельком, все равно он ощущает это, как важнейшее событие, воспоминание об этом навсегда останется самым дорогим и ценным в жизни. Поэтому-то с чувством тревоги и недоверия следишь за появлением образа Ленина на экране или на сцене, и только по мере того, как артист силой своего дарования восстанавливает в нашей памяти облик, походку, манеру разговора Ленина, мудрость, пронизательность и великодушие его, — тень недоверия к артисту исчезает и остается одно чувство — чувство безмерного восхищения величайшим человеком нашей эпохи.

«Владимир Ленин, большой, настоящий человек мира сего, — умер».

Так писал Горький, выразив этими словами всю огромную скорбь народа, человечества в дни смерти Ленина. «Большой, настоящий человек мира сего...» — именно эта мысль приходит в голову автору, которому посчастливилось однажды увидеть Ленина.

В те годы, первые годы молодого Советского государства, все, чем жил народ, все его чаянья и стремления, были обращены к этому человеку и партии, которую он создал. И потому можно вообразить те чувства, которые владели нами, молодыми политическими работниками Балтийского флота, когда нам предстояло увидеть и услышать Ленина.

Нас командировали по делам Политуправления в Москву. Необычайное иногда совершается просто и неожиданно. Я помню жаркий день, когда мы подходили к Троицким воротам Кремля, сжимая в руках зеленые пропуска на заседание II конгресса Коминтерна, которое должно было происходить в Андреевском зале Большого Кремлевского дворца. Часовой поглядел наши пропуска,

* Лев Вениаминович Никулин (наст. фамилия — Олькеницкий; 1891–1967) — советский писатель, поэт и драматург, журналист, военный корреспондент. Лауреат Сталинской премии третьей степени (1952).

** Воспоминания о Ленине. М.: Госполитиздат, 1957. Т.2. С. 537–540.

но не нанизал их на штык, как делалось в те времена, а вернул и уважительно посмотрел на нас.

Были летние дни 1920 года. 19 июля, в день открытия II конгресса Коминтерна, Красная Армия заняла Гродно и Барановичи. Польские помещики покидали родовые усадьбы и убегали в Варшаву и дальше, на запад. Лодзинские фабриканты оставляли особняки на Познанской улице. Антанта спешила на помощь белополякам. Врангелевцы готовили наступление в северной Таврии. Шайки Махно терзали Украину.

И в эти-то дни в Андреевском зале Большого Кремлевского дворца делегаты II конгресса Коминтерна обсуждали колониальный вопрос.

Над трибуной появилась характерная, знакомая миллионам людей голова Ильича. Его зоркие, немного прищуренные глаза мгновенно охватили весь раззолоченный Андреевский зал, несколько сот человек — делегатов и гостей конгресса. Наступила полная, особого значения тишина. Такая тишина говорит об огромном уважении слушателей к оратору. Она говорит о том, что слова, которые сейчас будут произнесены, обращены не только к людям, собравшимся в этих стенах, но что слова эти имеют значение для всего мира, для всей истории, для всего человечества.

Ленин не сделал никакой паузы, ни одного движения, присущего испытанному оратору. Он не сделал ни одного жеста из тех обдуманых жестов, которые имеют единственной целью привлечь и сосредоточить внимание слушателей. Не напрягая голоса, ровно, отчетливо и довольно быстро он начал читать известные теперь всему миру свои тезисы по колониальному вопросу.

Этим тезисам, которые стали с той минуты достоянием человечества, предшествовали споры, колебания и сомнения среди делегатов конгресса. Надо помнить, что Ленин был своеобразным Колумбом социализма в действии, он вел революционное движение мира по еще не изведанным путям. Колебаниям и сомнениям некоторых делегатов посвятил в те дни одно из своих выступлений Ленин.

«Тов. Квелч, из Британской социалистической партии, говорил об этом в нашей комиссии (комиссии по национальному и колониальному вопросам. — *Л. Н.*). Он сказал, что рядовой английский рабочий счел бы за измену помогать поработенным народам в их восстаниях против английского владычества.

...здесь мы имеем дело с величайшей изменой со стороны вождей и рабочих, принадлежащих к этому буржуазному Интернационалу», — сказал Ленин. И это противопоставление измены в том смысле, как ее понимали соглашатели из буржуазного Интернаци-

онала, и измены, как ее определял и оценивал Ленин, произвело буквально потрясающее впечатление.

Оно усиливалось и целиком покоряло слушателя еще и потому, что такие слова произносились Лениным с глубокой убежденностью, искренностью и притом очень просто, без малейшей ораторской рисовки.

Логика Ленина пленяла и в этот единственный раз, когда мне довелось слушать Ленина. Потому и сейчас в памяти моей сохранилось не только внешнее, не только обстановка, характерные особенности того времени, но и те чувства, вся та гамма ощущений, с которой мы слушали величайшего человека мира сего.

Ленин не выделял ни одной фразы, и все же сразу запоминалось самое важное из того, что он читал, запоминалось потому, что ясность ленинской мысли, правда ленинских слов покоряли слушателей. Так может говорить лишь человек, глубоко уверенный в правоте своих слов. Так может говорить лишь человек, внутренне убежденный в том, что он выступает от имени восставшего могучего народа, — народа, который во имя правды и справедливости призывает человечество на защиту угнетенных. И потому, что текст документа, который читал Ленин, был составлен в очень простых, ничуть не цветистых, ясных выражениях, и потому, что Ленин простор без всякого ораторского нажима, произносил эти, по существу потрясающие старый мир слова, — впечатление от речи было глубоким и неотразимым.

Особенно глубоким и неотразимым оно было, когда Ленин обращался к массам, к народу, которому чужда голая ораторская техника какого-нибудь «парламентария», оратора-златоуста. Народ не воспринимает ни ораторской рисовки, ни эффектной театральной жестикуляции, а ищет правды, ищет логики и ясности, и когда находит ее в словах и делах поистине великого человека, то следует за ним бесповоротно, до конца, до победы.

Нужно было хотя бы однажды услышать Ленина, чтобы понять, почему за ним шел народ. Именно эта мысль овладела мной в тот июльский вечер, когда я в первый раз в жизни слышал Ленина.

Были московские белые летние сумерки, бледное отражение северных белых ночей. Закат светился в позолоте Андреевского зала и зажигал огненный отблеск в алом шелке знамен у трибуны.

Был неожиданный, почти ошеломляющий контраст громоздкой пышности дворцового зала с деловой, рабочей обстановкой заседания конгресса. Длинный, крытый красным сукном стол, зеленые колпаки рабочих ламп над столиками стенографисток и тяжелая малиновая сень (балдахин тогда еще не убранного трона) позади стола президиума.

И был негромкий, отчетливо звучащий в полной тишине голос Ленина, проникавший далеко за пределы этого зала и дворца, за пределы страны, окруженной кольцом блокады и ржавой железной паутиной проволочных заграждений. «Большой, настоящий человек мира сего» говорил с миром, глядел сквозь десятилетия и видел победу уже в те дни, когда «государственные люди» Англии посылали британский флот обстреливать красноармейские части на берегу Черного моря, когда государственные люди Франции готовились признать де-факто правителем России барона Врангеля.

Ленин кончил свою речь и тотчас же оставил трибуну. Все дружно захлопали, тут же встали и прошли в соседний зал. Там, у окна, остановился Ленин. Он говорил с одной из делегаток конгресса, и то, что она рассказывала ему, вызывало у Ленина смех, он весело и заразительно смеялся, временами с живостью перебивая свою собеседницу. И когда мы глядели на Ленина, то уже не удивлялись тому, что ни один портрет, ни одна фотография не передают живости этого лица, проницательности и ума этих глаз.

Люди, стоявшие вблизи Ленина, старались не показать, что они остановились здесь только для того, чтобы еще раз поглядеть на него. И все же вокруг «человека мира сего» была явственно ощутимая атмосфера внимания, уважения и теплоты. Среди делегатов конгресса были люди, которые знали Ленина в годы его изгнания, в годы эмиграции, они читали и знали его труды и теперь с тенью почтительного изумления смотрели на ученого, который сумел воплотить в жизнь свои воззрения и совершить то, что было его единственным желанием, его мечтой и вместе с тем волей и желанием миллионов людей нашей страны.

Вечернее заседание конгресса кончилось. Ленин уходил. Он шел по дворцовой галерее своей обычной, живой, легкой походкой, и, когда проходил мимо часовых, они провожали его долгим, внимательным и серьезным взглядом.

Часовые провожали взглядом великого человека, признанного его современниками, на вечные времена утвержденного в веках; и потому, что Ленин был общителен, прост в обращении, скромен и доступен для человека из народа, из низов, — популярность его становилась еще шире и огромней.

Многие из людей, которые были в тот день в Кремлевском дворце, «наследники разума и воли его», еще живы и, подтверждая слова Алексея Максимовича Горького, «работают так успешно, как никто, никогда, нигде в мире не работал»; другие со славой кончили свой жизненный путь.

Лето 1920 года прошло. Наступили осень и суровая зима и еще три зимы с Лениным, затем январские черные, траурные ночи.

Крепчайший мороз, пар и снег, иней на бородах у старых людей и бесконечно движущаяся колонна людей. Голова колонны медленно вползала в открытые двери Дома Союзов, а хвост не имел конца и терялся в улицах; и переулках Москвы. В центре Колонного зала лежали Ленин, и морозное дыхание миллионов людей веяло над его удивительным, незабываемым и теперь уже смертельно желтым лбом.

Все, что было честного на земле, все, что было светлого и благородного, соединилось в глубокой скорби у гроба Ленина, и в первые дни у клеветников и ненавистников как бы перехватило горло: у них не было силы поднять голос против сияющей славы величайшего человека мира сего.

Великий русский писатель, на двенадцать лет переживший своего друга и учителя, писал:

«...если б туча ненависти к нему, туча лжи и клеветы вокруг имени его была еще более густа — все равно: нет сил, которые могли бы затемнить факел, поднятый Лениным в душной тьме обезумевшего мира».

Этими словами следует закончить одно из самых драгоценных воспоминаний жизни, — воспоминание о том дне, когда автор этих строк видел и слышал Ленина.